

Я получила его помощь в трагические для моей семьи дни Великой Отечественной войны. Помощь Н.Н. Приорова пришла ко мне и в 1947 г., когда после тяжелого поражения миокарда мне была запрещена временно любимая работа ночью, тем более у операционного стола во время дежурства по «скорой помощи». Я попросила Н.Н. Приорова освободить меня на полгода. Он отказал, приняв другое, очень мудрое решение. Образно можно сказать, что он не дал мне рыбу для пропитания, но на всю оставшуюся жизнь вложил мне в руки удочку для ее лова: он оставил меня в стенах своего института, освободил совсем от работы на месяц, предоставив самой подобрать для себя дело в одной из лабораторий. Я выбрала ту, где иссле-

довали функции нервно-мышечного и двигательного аппарата (по совместительству возглавлял эту лабораторию проф. В.Д. Ефимов).

В ЦИТО из 40 лет я проработала под руководством Н.Н. Приорова первые 20 лет. Это он, мудрый и гуманный человек, мне, дочери «врага народа», сельскому врачу из далекой азиатской республики и рядовому ординатору эвакогоспиталя во время войны, предоставил штатное место в институте. Через 20 лет после кончины Николая Николаевича, по собственному желанию я ушла на заслуженный отдых доктором медицинских наук, профессором. Этим я обязана ему — незабвенному моему Учителю, тому, кто поддержал меня в самом начале пути служения научной медицине.

«Я ПОДУМАЮ...»

(НЕСКОЛЬКО СЛОВ О Н.Н. ПРИОРОВЕ)

И.М. Мутбрейт

Как сотрудник института я регулярно бывал в здании ЦИТО в Теплом переулке на заседаниях ученого совета или проблемной комиссии. А основным местом работы была клиника детской ортопедии и травматологии ЦИТО, которую в 1956 г. организовал и возглавил В.Д. Чаклин и которая располагалась на базе Московского ортопедического госпиталя. Однако, стоит сесть и прикрыть глаза (а еще ярче — бессонной ночью), и в памяти всплывают давние события и люди, с которыми работал в ЦИТО и которых давно уже нет. Имя Николая Николаевича Приорова я знал уже в 1944 г., а с 1956 по 1961 г. он был моим директором, а я — его подчиненным.

Какие же эпизоды врезались в память? Прежде всего это — первое знакомство. После объявления в газете о конкурсе на должность старшего научного сотрудника в клинику В.Д. Чаплина, собрав необходимые документы, я не без трепета отправился в ЦИТО к директору института. С тех пор прошло уже 54 года, но память сохранила все детали этой встречи. В большом кабинете за большим резным письменным столом сидел известный мне профессор. Многие годы ежемесячно я видел его на заседаниях Общества травматологов-ортопедов Москвы и области либо за председательским столом, либо в первом ряду относительно небольшого конференц-зала ЦИТО в Теплом переулке. Я представился, рассказал, что мне удалось сделать в выбранной специальности за 12 лет, каких «высот» достиг во врачебной, научной и административной областях. Николай Николаевич выслушал, не торопил меня, просмотрел мои бумаги и сказал: «Я подумаю...». А на следующий день секретарь директора Вера Михайловна Егорова сообщила, что мои документы переданы в конкурсную комиссию. И позже, когда (не скрою, не очень часто) приходилось бывать

в кабинете директора или присутствовать на заседаниях ученого совета, эта черта Николая Николаевича — принимать решение только после всестороннего и тщательного обдумывания — была еще заметней. Это был его стиль руководства — институтом, или Госпитальным Советом Минздрава во время Великой Отечественной войны, или в должности замминистра здравоохранения СССР.

Второй чертой Николая Николаевича, о которой я не могу не вспомнить, была его демократичность. В Московском обществе травматологов-ортопедов, созданном Н.Н. Приоровым, он ввел традицию смены председателя Общества через каждые два года. Поскольку на заседания Общества являлись все профессора ортопеды-травматологи Москвы, то за председательским столом периодически можно было видеть С.Д. Терновского, М.О. Фридлянда, Т.С. Зацепина, Г.С. Бома, Т.С. Краснобаева и др. В первом ряду располагались В.Н. Блохин, В.Д. Чаклин, А.М. Ланда, З.Ю. Ролье, Д.К. Языков, К.М. Винчентини и др. В общем в заседаниях Общества регулярно принимал участие весь «цвет» тогдашней ортопедии-травматологии. Я уверен, что такая самодисциплина московской профессуры возникла не случайно, а была следствием незаметной организаторской деятельности Николая Николаевича. И это — еще одна важная его черта.

Кроме того, мне всегда импонировало стремление Н.Н. Приорова выдвинуть вперед подающую надежды молодежь. Ведь после ухода Н.Н. Приорова из жизни в новом построенном здании ЦИТО на улице, ныне носящей его имя, основные должности по руководству отделениями заняли его «дети»: А.И. Казьмин, О.Н. Гудушаури, Н.П. Иванова.

Хотелось бы отметить и еще одно качество Николая Николаевича — преданность людям, которые

связали с ним свою судьбу, помогали строить учреждение, имя которому ЦИТО. Приведу лишь два примера. В 1948–1951 гг. наступило черное время «борьбы с космополитизмом», достигшей своего апогея в так называемом «деле врачей» (1952 г.). Из большинства учреждений (в первую очередь научных и медицинских) изгонялись «безродные космополиты». Стремясь сохранить старые кадры, Н.Н. Приоров послал заведующего одним из отделений ЦИТО Макса Давыдовича Михельмана в долгосрочную — на 8 месяцев — командировку в Ашхабад и тем самым спас его от неминуемого увольнения из института, а может быть, и от более тяжелой участи.

А Розу Львовну Гинзбург, которую он все же вынужден был уволить, устроил на работу в один из московских госпиталей инвалидов Отечественной войны. И как только в 1953 г. было опубликовано сообщение о том, что «дело врачей» сфабриковано в недрах НКВД и все осужденные по нему реабилитированы, и М.Д. Михельман, и Р.Л. Гинзбург возвратились в стены родного ЦИТО.

Может быть, эти памятные мне, и не только мне, черты Н.Н. Приорова и дали возможность создателю Центрального института травматологии и ортопедии руководить своим детищем беспрерывно в течение 40 лет.

КАК ЭТО БЫЛО

УДИВИТЕЛЬНАЯ ШКОЛА

Н.В. Добровольская

В канун 65-летия Победы в Великой Отечественной войне я все чаще вспоминаю свою маму — энергичную учительницу географии, ее трудную работу в необычной школе для раненых, и мне очень хочется, чтобы работа этих героических учителей и их не менее героических учеников стала достоянием нынешнего поколения.

В 1943 г. по решению Наркомпроса была создана средняя школа в одном из госпиталей Москвы. Как наиболее подходящий был выбран Центральный институт травматологии и ортопедии (ЦИТО), где раненые находились на излечении и протезировании по несколько месяцев. Немало препятствий пришлось преодолеть, прежде чем школа была оформлена как филиал Московской городской заочной школы со всеми правами. Энтузиасты-педагоги не стали дожидаться завершения формальностей открития и приступили к занятиям без зарплаты, без продуктовых карточек, без компенсации. Мало того, они приносили свои учебники, тетради, карандаши и др. Первых учащихся было всего 14 человек.

Снимок учителей этой школы перед вами. На нем директор школы Григорий Лазаревич Шапиро (в первом ряду второй справа), завуч Таисия Васильевна Добровольская (первая слева) и учителя: А.Н. Жиратова, Н.В. Балдина, О.С. Черепашкина, А.А. Пономарева, Т.А. Корпачева, А.В. Крупенина, А.Н. Городишева, К.С. Теребровская (личность одного из педагогов установить не удалось).

В семейном архиве моей мамы Таисии Васильевны Добровольской хранится объемная папка, в которой собраны различные документы этой школы: фотографии раненых, их письменные работы, отзывы о школе, газетные вырезки, письма учителям в госпиталь после выписки и т.д. Перебирая их, я вглядываюсь в мужественные лица бойцов и командиров, лишившихся на фронте обеих рук, ног, потерявших зрение, получивших другие тяжелые увечья. Вот этим молодым людям медики и педагоги помогали вернуться к мирной нормальной человеческой жизни физически и морально. Сохранились материалы, характеризующие процесс учебы в госпитале.

Учениками школы были тяжело раненные солдаты и офицеры Красной Армии (их называли тогда «ранбольные») разных национальностей, профессий, образования. Как правило, это были молодые мужчины без рук, без ног, слепые, с искореженными лицами — инвалиды I группы. Некоторые из них потеряли надежду жить дальше, не хотели возвращаться в таком виде домой, имели склонность к суициду... Установка школы была следующая: индивидуальный подход к обучаемым, преподавание только одного предмета в день и охват учебой максимального числа раненых, особенно безруких.

Их надо было уметь учить. Надо было обладать неиссякаемым терпением и, главное, горячим желанием помочь каждому из

Учителя школы ЦИТО